

Яков Гордин

«Где мой черный пистолет...»

Начну традиционно. Мы познакомились с Арсением Борисовичем Рогинским, Сеней Рогинским, пятьдесят лет назад. Если хотеть идеальной точности, то надо добавить еще полгода. Это произошло в 1965 г. в Тарту. Если память мне не изменяет, а я думаю, что не изменяет, – был октябрь, промозглый и дождливый.

Не помню точно, но думаю, что инициатором этой поездки был Глеб Сергеевич Семенов, который тогда жил недалеко от Тарту. В Тартуском университете учился его сын Никита, и Глеб Сергеевич за ним присматривал.

Цель поездки – выступление «молодых ленинградских поэтов» в университете. Было это, разумеется, согласовано с Юрием Михайловичем Лотманом.

«Молодые поэты» были молоды относительно – нам с Сашей Кушнером под тридцать. Лене Кумпан несколько меньше. По-настоящему молодой была семнадцатилетняя Лена Шварц.

Ехали из Ленинграда на рейсовом автобусе, который по пути сломался, и пассажиры ждали несколько часов, пока не прибудет из Ленинграда другое транспортное средство.

На следующий день мы выступили перед студентами университета. Относительно успеха – не скажу. Не помню. Но думаю, что приняли нас приветливо. Глеб Сергеевич к нам присоединился и тоже читал свои стихи.

После выступления ко мне подошел довольно юный студент – Сене было 18 лет, и сказал, что у него есть для меня подарок. И поднес мне черный игрушечный пистолет, очень похожий на настоящий.

Могу только догадываться, почему пришла ему эта странная идея. Очевидно, я читал что-либо из своих «армейских» стихов, и брутальные мотивы вдохновили Сеню на иронический жест. Вопрос – почему у него оказался с собой пистолет, остается без ответа. Я напоминал ему этот эпизод. Он его не помнит.

Во всяком случае, наше знакомство произошло в нетривиальной обстановке. Должен сказать, что единственный в моей жизни визит в Тарту в то время был для меня более важен другим знакомством – с Зарой Григорьевной Минц, женой Юрия Михайловича, и, соответственно, с ним самим. В тот вечер мы всей компанией ужинали у Лотманов, поскольку в ресторан не попали. Охранявший вход в ресторан эстонский джентльмен оказался большим формалистом. У меня не было галстука. И хотя я выглядел вполне прилично, он категорически отказался пропустить меня. После длительного спора с этим стражем ворот Зара Григорьевна предложила на ресторан плюнуть и отправиться к ним. Что и было сделано...

Мы встретились через несколько лет в Ленинграде. Сеня занимался историей освободительного движения, и наши интересы совпадали. Мы стали довольно часто встречаться с середины семидесятых. Сеня пришел однажды к нам в дом Адамини на Марсовом поле, где мы тогда жили, и сказал: «Я вам сейчас кое-что расскажу, но, если вы сочтете нужным, вы меня осеките». Это последнее слово я запомнил совершенно точно.

Речь шла о замысле исторического альманаха «Память». Я, естественно, «осекать» Сеню не стал. Идея была сколь насущной, столь и небезопасной. Но я перестал бы себя уважать, если бы отказался содействовать в меру своих возможностей ее реализации. В силу небезопасности этого, как сказали бы сегодня, проекта, я оценил доверие, которое, стало быть, питал ко мне Сеня.

Не могу сказать, что я активно участвовал в издании «Памяти». Мне принадлежат там всего три публикации. Об одной из них я расскажу особо, так как она имела непосредственное отношение к Сениной судьбе.

Я познакомил Сеню с моим другом Юрием Владимировичем Давыдовым, не только блестящим историческим романистом, но и тончайшим знатоком архивов. Вскоре после войны молодым флотским офицером угодивший в ГУЛАГ, Давыдов был достаточно разборчив в своих отношениях с людьми. Но Рогинского он оценил высоко. Думаю, что и Сене это знакомство было не только полезно, но и приятно. Давыдов был человеком своеобразного и сильного обаяния.

Так вот, что касается упомянутой публикации. У моего отца было три старших брата. Самый старший – дядя Саша – сделал незаурядную карьеру как финансист: был советником министра финансов в тридцатые-сороковые годы. Два других – дядя Арнольд и дядя Владимир – с юности активно занимались политикой. В 1918 г. были организаторами комсомола в родном Пскове. Оба стали позже участниками антисталинской «рабочей оппозиции». Дядя Арнольд – дядя Ноля – неоднократно с конца двадцатых годов арестовывался, прошел Соловки и Норильск и выжил. Дядя Вова погиб.

Дядя Ноля, освобожденный в середине пятидесятых из очередной – карагандинской – ссылки, вернулся в Норильск, который он строил, будучи ээком. И поскольку он, окончивший Политехнический институт, был талантливым инженером-электриком, то занял там довольно высокий пост. В это время он уже был не убежденным коммунистом, как когда-то, а спокойным социал-демократом.

О своем политическом прошлом он не любил вспоминать. Но в начале семидесятых годов, когда он был уже на пенсии и жил под Тверью, я уговорил его написать воспоминания.

Воспоминания эти я и передал Сене, и мы опубликовали большой фрагмент в «Памяти» под названием «Из воспоминаний троцкиста Гаврилова».

Но этому предшествовал знаменательный эпизод. Передавая текст, я сказал Сене, что там есть несколько страниц о его однофамильце Бэре Рогинском. К моему удивлению, Сеня как-то напрягся и спросил – что там написано. Я ответил, что этот человек был другом моего дяди, и он оценивает его очень высоко.

Оказалось, что это был отец Сени. Когда Сене было пять лет, отца арестовали во второй раз уже в архангельской ссылке, где Сеня и родился. Бэр Рогинский погиб. Понятно, какое значение имели для Сени любые сведения об отце.

И поскольку «Память» давно уже стала раритетом, то я позволю себе процитировать отрывок из воспоминаний моего дяди о Бэре Рогинском. Я думаю, что сегодня Сене будет приятно этот текст перечитать. А читателям полезно узнать о семейной традиции юбиляра.

Дядя Ноля писал: «В 1921–22 гг. я входил в институтскую стипендиальную комиссию, которая распределяла стипендии среди студентов, решала, кому давать, кому нет. Все студенты для

получения стипендии заполняли анкеты. Одним вопросом анкеты был – какой партии вы сочувствуете. Понятно, что все желающие получить стипендию писали, что сочувствуют коммунистической партии. Но вот, просматривая анкеты, в одной из них я обнаружил ответ – сочувствую партии социал-демократов меньшевиков. Фамилия автора анкеты – Рогинский. Поинтересовался, что же это за отчаянная душа, вызвал его. Явился высокий, плотного сложения, еврейский юноша, с большой головой, умным лицом, большими блестящими выпуклыми глазами. Сразу же в разговоре заявил, что его зовут именно Бэр, а не Борис и что он отнюдь не стыдится своего еврейского происхождения. Подтвердил свое сочувствие меньшевикам.

Отзыв деканата электромеханического факультета о нем был как о студенте с блестящими способностями. Мы рискнули дать ему стипендию <...>

Мы подружились с Рогинским, встречались в институте и дома. В конце 1926 г. в разговоре со мной он сказал, что полностью согласен со взглядами Л. Троцкого (Троцкий тогда выступал за развитие внутрипартийной демократии. – Я.Г.) и хотел бы принять участие в работе оппозиции. Я не мог привлечь его к активной работе, т.к. он не был членом партии, но часто встречался с ним, передавал материалы оппозиции. В 1927–28 гг. он передавал мне сколько мог денег на нужды оппозиционной работы, а когда в 1928 г. я перешел на нелегальное положение, Бэр Рогинский много раз предоставлял мне для ночлега свою комнату <...>».

Понятно, какому риску подвергал себя Рогинский, давая пристанище оппозиционеру-нелегалу. Судя по тому, что пишет мой дядя, Бэр Рогинский и позже, будучи одним из ведущих инженеров на «Электросиле», вел себя независимо и вызывающе. Чем и предопределил свою судьбу.

«Этот человек был моим товарищем в 1922–30 гг. В моей памяти он навсегда остался высоким юношей, смелым, ярким, талантливым, кристально честным. Такому трудно было пережить годы сталинщины».

Так заканчивается рассказ об отце Сени. Генетика – великая наука...

К концу семидесятых внимание КГБ к составителям «Памяти» стало весьма предметным. После второго обыска, который, как и первый, не дал желаемых результатов, но показал – что может вот-вот произойти, Сеня пришел ко мне с Александром Добкиным и сказал: «Это мой alter ego. В случае чего вы можете ему полностью доверять».

КГБ удалось прекратить издание «Памяти». Сеня был арестован. Сережу Дедюлина вынудили эмигрировать, как он мне тогда же рассказал, под угрозой отправки в Афганистан. Он окончил химический факультет Ленинградского университета, имел звание лейтенанта и военную специальность «химзащита».

Здесь нет возможности рассказать сколько-нибудь подробно о пятидневном абсурдном действе – суде над Арсением Рогинским. Я – как и наш общий с Сеней друг Андрей Арьев, – присутствовал на всех заседаниях. В первые же минуты первого заседания адвокат с документами в руках доказал суду, что деяние, которое инкриминируется обвиняемому, влечет за собой исключение из библиотеки. И не более того. Тем не менее суд был организован с большим размахом. Вызывали иногородних свидетелей, в частности, известного историка Владимира Владимировича Пугачева, аспирантом которого числился Рогинский, и – по совершенно непонятной причине – какого-то сомнительного товарища, сменившего Пугачева на посту зав. кафедрой Саратовского университета. Он догадывался, чего от него хотят, но не мог сообразить, как угодить суду.

Доказать свою версию обвинения не смогло, что, естественно, не повлияло на исход суда. Это было обычным делом. Обвинительное заключение без учета прений полностью переходило в приговор. Но у этого процесса была своя особенность. Я присутствовал на нескольких политических по сути своей процессах в те годы. Но тут была единственная в своем роде ситуация – обвиняемый отказался разговаривать с судом. Он отвечал только на установочные вопросы – фамилия, имя, отчество, год рождения... И всё.

Разумеется, Рогинского судили за «Память». Но недаром он занимался историей русского освободительного движения. Он знал, что такое конспирация. Гэбисты знали, но не могли доказать. И вышли из положения, надо отдать им справедливость, довольно успешно. Чтобы зацепить эти отношения в Публичную библиотеку по совершенно невинной проблематике и обратить внимание на подписи, надо было тщательно поработать.

Комитет отыгрался на Арсении Борисовиче за его вызывающее поведение, сделав все, чтобы он отсидел свои четыре года – при полном отсутствии юридических оснований для приговора – как можно тяжелее...

Осенью 1991 г., вскоре после провала путча, Рогинский приехал в Ленинград вместе с Сергеем Адамовичем Ковалевым – ревизовать Большой Дом. Поскольку доблестные чекисты находились в состоянии паники, то они готовы были предоставить комиссии, обладавшей мандатом от Хазбулатова, любые документы.

Сеня пришел к нам на Марсово Поле и сказал: «Должен, Яша, вас огорчить. Вы уже никогда не прочтаете свое оперативное дело. Я видел соответствующую запись о его уничтожении». По приказу Крючкова оперативные дела в девяностом году уничтожались. На всякий случай. В них были, помимо всего прочего, имена сексотов, доносы и т.д. Да я бы и не стал читать это дело. Мало ли что могло там оказаться...

Все это было не один десяток лет назад. Арсению Борисовичу, Сене, исполняется 70 лет. Мне уже исполнилось 80.

«Где мой черный пистолет? – пел Высоцкий. – На Большом Каретном!» А где мой черный пистолет, подаренный мне восемнадцатилетним Сеней Рогинским? Он, увы, за прошедшие полвека потерялся, пропал как-то. Жаль, конечно. Но все остальное, о чем я писал, – с нами. И становится все актуальнее. История – процесс цельный.